

Рис. 1. Истоки «варварско-живописного» облика североамериканской улицы с магазинами и увеселительными заведениями едва ли следует искать в пуританстве ранних колонистов. Здесь, скорее, сказываются индейские и более поздние африканские влияния. Испанский след, напротив, почти неразличим; отсутствует и присущая китайским кварталам пестрота. Пулькерия, индейская винная лавка. (Фото: Э. Уэстон.)

Рис. 3. Жилища индейцев хопи объединены в многоэтажные группы, образующие целые «дома-поселки». Для подъема с этажа на этаж служат приставные лестницы. Пример каменного дома индейцев хопи. Каньон реки Колорадо.

Рис. 2. Первозданный «кубизм» в Северной Америке, более ярко выраженный, чем в Европе. — Некоторые типичные для массового строительства здания Манхэттена вдохновлены этим образцом. Доисторический город в скальной нише. Аризона (Бетатакин). (Фото: У. Д. Морган.)

Рис. 4. Первый этаж 4–6-этажного кольцеобразного индейского строения, состоящего из жилых секций. Каждая ячейка этого сооружения, по-видимому, служила жилищем для одной семьи. Развалины индейского дома в Рито-де-лос-Фрихолес. США, Нью-Мексико. (Фото: У. Д. Морган.)

Рис. 5. Типичное для Нью-Мексико глинобитное строение кубической формы. В процессе испанского влияния (начиная с первой половины восемнадцатого века) его облик претерпел лишь незначительные изменения в виде добавления отдельных наружных элементов. Церковь в Трампасе, Нью-Мексико. (Фото: У. Д. Морган.)

Рис. 6. Многие колониальные постройки на Юге и Западе США отличаются классической строгостью линий и простой планировкой в неогреческом стиле. Они представляют собой образцы изысканного, неосознанно скопированного, истинного классицизма, воплощенного в новых материалах и восприимчивого к современным веяниям. Дом на Полк-стрит. Монтерей, Калифорния. Около 1800 г.

Рис. 7. На снимках 1840-х гг. видно, что Лос-Анджелес тогда полностью состоял из строений, подобных тому, что мы видим на этой фотографии. Здание на Мэйн-стрит Монтерея, построенное около 1800 г.

Рис. 8. Дом американского консула[1] в мексиканской провинции Верхняя Калифорния[2]. Примерно 1825 г.

Рис. 9. Полотна и растяжки. Цирк-шапито. (Фото: Э. Уэстон.)

10

Введение

Автор с сожалением констатирует, что вынужден предложить вниманию читателя лишь сжатый отчет о предмете, касающемся самых разнообразных областей знания, а потому почти необозримом.

Чрезвычайно многочисленные детали, способствующие формированию современного стиля и встречающиеся в США повсеместно, игнорируются в своей совокупности, в то время как отдельные из них выхватываются из общей массы и запечатлеваются как памятники, демонстрирующие определенную степень зрелости современного стиля или являющиеся основными вехами процесса его созревания.

Как бы то ни было, в случае США представляется правильным использовать в качестве иллюстраций не столько снимки памятников архитектуры или чертежи, сколько наглядные изображения результатов воздействия человека на среду обитания.

Настоящий отчет затрудняется не только подчеркнуто надличностным характером развития стиля и малочисленностью источников информации, но также и тем обстоятельством, что автор, который привык иметь дело с вре́менными, «преходящими» конструкциями, вынужден проявлять осторожность при описании и оценке вещей, воспринимаемых как непреходящие ценности.

Кроме того, из профессионального опыта автора вытекает еще одна свойственная человеку предвзятость, а именно: что якобы в данный момент и в данной стране актуальность строительных проектов, их соответствие эпохе должны изначально подтверждаться массовым общественным признанием. Представителям молодого поколения едва ли требуется убеждать того или иного заказчика, зато им приходится отчаянно бороться за свои проекты с кредитными организациями, чье мнение основывается на опыте работы с недвижимостью. Они справедливо предполагают неоднократную смену владельца при перепродаже. Соответственно, велика вероятность потери денежных средств, вложенных ими в строительство, поскольку такой исходный проект уже не будет полностью удовлетворять новых собственников.

До недавнего времени в США (в большей степени, чем где-либо) не хватало доброжелательного внимания специализированной прессы к экспериментальному строительному проектированию, особенно в сравнении с широким освещением стремительного прогресса частных производств строительных материалов и техники.

С точки зрения профессионального историка, специализирующегося на определенной эпохе, непредвзятость, беспристрастность, désintéressement[3] может являться добродетелью — хотя этому противоречат известные классические примеры. Но архитектор, который отваживается на историческое исследование, легко впадает в понятную ошибку: он решает поставленные задачи, слишком сильно опираясь на собственную позицию и, естественно, используя привычные методы решения проблем. С другой стороны, только таким образом он может предложить ту информацию, в которой он абсолютно уверен, благодаря своему профессиональному опыту.

Здесь автор находит уместным извиниться перед читателем за возможные ошибки такого рода.

Обзор

Важную роль в развитии архитектурного стиля в США играли:

Функционалистское чувство формы, естественно присущее производителю и потребителю и, кроме того, на протяжении уже сорока лет после первоначальных робких попыток выдвигаемое в этой стране как программа.

Примеры новых условий, непосредственно повлиявших на форму: ранее невиданное развитие сельского хозяйства, новые обстоятельства сбыта продукции, перераспределение рабочей силы (связанное с рабством, масштабной миграцией) — сначала на Юге, позже на Среднем Западе, еще позже на Западе (землепашество и плодоовощная промышленность).

А также: быстрое экономическое переустройство важнейших регионов страны, характеризующееся массовым производством, массовым кредитованием и массовым рынком как определяющими факторами промышленного развития.

Следующими будут внешние факторы, которые лишь косвенно повлияли на архитектурный стиль США. Изначально эти заимствования происходили только в исключительных случаях, для решения конкретных задач. Впоследствии, впрочем, они закрепились за счет привычки или в результате общественно-политических тенденций, а в отдельных случаях — благодаря теоретическим обоснованиям:

Основные европейские традиции, повлиявшие на США:

Англия:	от Средневековья до Великого лондонского пожара 1666 года — классический XVIII век — романтическая «готика» XIX века.
Голландия Германия Скандинавия	крестьянская «непрофессиональная»[i] традиция ранних эпох и позже.
Франция:	профессиональная классическая традиция, поначалу распространенная только на Юге, а после революции — по всей стране.
Средиземноморье:	крестьянская простонародная традиция в профессиональной интерпретации, XX век.
Восточная Азия, Япония:	влияние на отдельных осознанно продвигающих себя личностей, XX век. Типовая планировка, высокая скорость массовой застройки (например, после землетрясений), приспособляемость, открытость, а также взаимосвязь интерьера и садового пространства.

Американские традиции до образования штатов:

кочевая — индейская — первобытная — майяская — ацтекская — тольтекская — испанская — мексиканская — Внимание со стороны профессионалов, XX век

Основные проводники влияния:

Ремесленники Непрофессионалы	самый ранний период: от 1600 года до революции.
Инженеры:	ранний период — примерно до 1810 года, позже — в виде исключения.

Орнаментальные гравюры, книги (с конца XVII века).
Профессиональные архитекторы и журналы (XIX век).
Иностранные путешественники и иммигранты (постоянно и в течение длительного времени).

---

i Здесь под «профессиональной» подразумевается работа профессиональных архитекторов, которая составляет лишь часть общей строительной практики. (Здесь и далее подстрочные примечания принадлежат автору. Библиографические ссылки Р. Нойтры воспроизводятся без изменений. — *Примеч. ред.*)

Часть I.
Процесс развития, посредники и результаты

1. Истоки

Для первой волны европейских поселенцев на атлантическом побережье Америки был характерен прагматизм, не выходящий за рамки пуританской морали.
Такое умонастроение, само по себе отнюдь не равнозначное рационализму, сыграло важную роль в формировании его современной североамериканской разновидности, ключевыми особенностями которой, в свою очередь, были четко очерченные сферы практической деятельности и избегание пространных философских рассуждений — в отличие от, скажем, французского рационализма XVIII века. В этом сужении области применения рациональных методов автор усматривает современный прогресс, особенно заметный в сравнении с благополучно канувшим в прошлое ребяческим бунтарством, которым были пронизаны умозрительные построения материалистов. Там, где этот ограниченный прагматизм не был впоследствии заглушен бездуховной самоуспокоенностью и связанной с ней одержимостью всем европейским, он выражался в строительной и проектной деятельности и большей частью вызывал презрение у эстетически подкованных европейских путешественников.
У европейцев с давних пор вошло в традицию путешествовать по Америке с целью написания путевых очерков. После основания первой крупной послеримской республики (в 1776 году)[4] — события, в свое время приковавшего к себе внимание всего просвещенного мира и в этом смысле сравнимого с российской революцией в ходе Первой мировой войны, — многие образованные европейцы считали чуть ли не своим долгом сесть на корабль, пересечь Атлантику и издать книгу об Америке, основанную на более или менее добросовестных наблюдениях.
Как отмечал парижанин Ж.-П. Бриссо[5], в Бостоне того времени «искусства» были развиты слабо, за исключением кораблестроения и судоходства: «Не будем упрекать жителей Бостона, ведь они сначала пекутся о полезном, а потом уже о приятном. У них нет впечатляющих архитектурных сооружений, зато есть “милые и уютные” церквушки. Они строят добротные дома, превосходные мосты и замечательные корабли. По ночам их улицы хорошо освещены, тогда как власти больших европейских городов, славящихся своими архитектурными памятниками, даже не пытаются противодействовать опасностям, которые таит в себе ночная тьма».
В этой сдержанной похвале парижанина в адрес варварской колониальной страны едва ли кроется дидактический посыл в духе Тацита, зато она действительно основана на фактах, произведших на него впечатление. Далее он пишет:
«Филадельфию можно считать столицей Союза штатов. Это самый красивый и добротно построенный город. Самый богатый, пусть и не самый роскошный. Здесь более образованная публика и больше людей, сведущих в политике и литературе, чем где-либо еще. (Именно в Филадельфии космополитически настроенный и политически одаренный инженер Бенджамин Франклин издавал газету, пользовавшуюся большим успехом[6].) Многие города в Америке были основаны раньше, но Филадельфия переросла своих старших братьев и сестер». Подобные славословия иностранцы, вероятно, слышали во все времена в любом американском городе от местных гидов: звучащая в них гордость за свой город, пронизанная духом соперничества, не уступает той, что была присуща жителям греческих полисов.
Как раз в то время Нью-Йорк был отстроен заново после разрушительного пожара[7] и превратился в современный модный город. Здесь, как в Лондоне после 1666 года

или в Чикаго после 1871-го, большой пожар спровоцировал переход к радикально новому стилю жизни, так что хочется даже пожалеть, что в наше время придается столь большое значение пожарной безопасности в городах.
Вот что пишет Бриссо о ньюйоркцах: «Они расширяют городские районы и удлиняют улицы. Старые голландские дома с высокими фронтонами уступают место изящным зданиям в английском стиле».
Джозеф Джексон[8] цитирует путевые заметки, изданные позднее, в 1795 году (относящиеся примерно к тому периоду, когда Гёте путешествовал по Италии[9]). Филадельфийские квартиры описаны как «светлые, просторные и удобные», в то время как городская архитектура названа убогой. Среди немногочисленных «приятных» архитектурных достижений упомянуты здания исправительной колонии, банка Соединенных Штатов, больница и тюрьма, то есть исключительно постройки утилитарного назначения.
В 1796 году, при посещении Вашингтона, который к тому времени уже решено было сделать столицей[10], британский путешественник Исаак Уэлд[11] видит посреди почти голого поля всего три строящихся общественных здания: Капитолий, Белый дом и большой отель.
В ранний период существования американской республики массово возводятся банки, отели и административные здания; развиваются характерные для Америки типы строений: например, банки в стиле классицизма.
Застройка в США вскоре будет казаться европейским путешественникам по Америке однообразной. Вот что пишет Ч. У. Джансон[12] в 1806 году в своей книге «Иностранец в Америке» о Филадельфии: «Дома построены добротно, в основном из красного кирпича и обычно в три этажа. На некоторых новых улицах все здания выглядят одинаково». А четверть века спустя капитан Томас Гамильтон с характерной для того времени неприязнью образованного человека к начавшейся технизации пишет: «Филадельфия — это посредственность, воплощенная в кирпиче и строительном растворе. Это город, которым правят рейсшина и линейка, своего рода арифметическая задача с живыми людьми вместо чисел, математическое посягательство на право индивидуальности — грубая и прозаичная тирания прямых углов и параллелограммов. В то же время им можно восторгаться как удобным городом, поскольку в среднем обычные дома здесь лучше, чем в любом другом известном мне месте».
Регулярная планировка американских городов (в чем они были схожи с малоазиатскими, итальянскими, греческими и многими более поздними европейскими городами) сильнее бросалась в глаза из-за их быстрого роста[ii]. В основе застройки Манхэттена фактически лежит так называемая гипподамова система, по которой был распланирован, в частности, полуостровной Милет.
Одна из особенностей, чуждая крупным европейским городам, но, судя по всему, характерная для средневековых поселений[iii], — специально предусмотренная трасса для перевозки грузов, делящая городские кварталы напополам и являющаяся границей между ними.
Такая «аллея» шириной 9–15 футов {2,7–4,5 м}[13] есть изначально в большинстве американских городов за исключением Нью-Йорка, который благодаря своему обособленному положению сперва приобрел, а впоследствии сохранил (правда, отчасти) европейский облик.
По-видимому, из-за отсутствия центральной трассы потребовалось сузить городские кварталы, а потому характерной особенностью домов в Нью-Йорке стал цокольный этаж со служебными входами с улицы, в то время как в Филадельфии ничего подобного

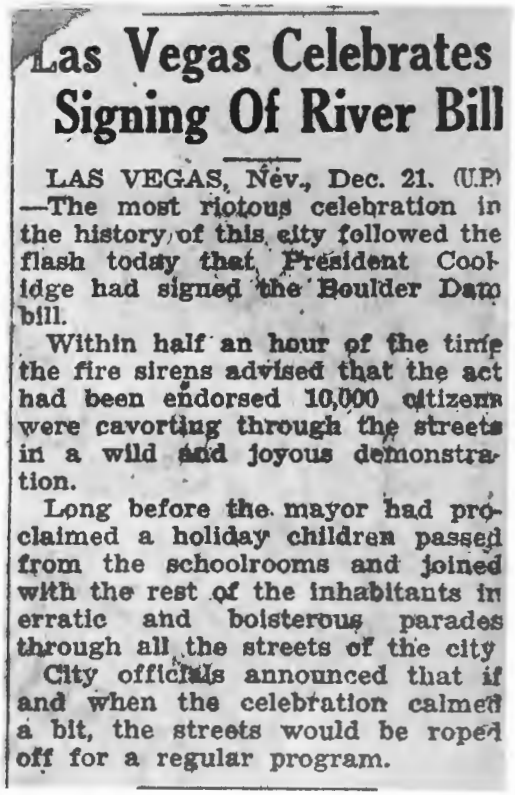
ii Ср.: Joseph Gantner, Grundformen der europäischen Stadt. Schroll & Co. Wien 1928.

iii Montpazier, englische Gründung in Südfrankreich, 13. Jahrh. Там же. S. 82.

не наблюдается. От рассматриваемого нами периода до появления грузовой подземки в Чикаго[14] и запрета на грузовые перевозки в центральных районах американских городов в качестве радикальной меры борьбы с дорожными заторами прошло сто лет.

Начиная с основания первых городов, Соединенные Штаты, как самая обширная и богатая природными ресурсами колониальная страна, были тем местом, где частные лица зарабатывали на увеличении стоимости земли, и, соответственно, стали родиной земельной реформы (Singletax[15]), распространившейся затем по всему миру. К сожалению, ее автор, выдающийся американский экономист Генри Джордж, в своей собственной стране пользовался успехом лишь как теоретик, в то время как его практическая деятельность не находила широкой поддержки.

В этом смысле показательно, что лидер американской революции и первый президент Соединенных Штатов Джордж Вашингтон (он хорошо разбирался в торговле землей, так как в юности работал землемером), безусловно, видел смысл в увеличении стоимости земли, в том числе из-за собственной выгоды, что придавало соответствующую окраску его градостроительным инициативам. Спор между Нью-Йорком и Филадельфией за право стать резиденцией федерального правительства, предложение основать для этой цели особый город — все это в значительной степени было обусловлено своекорыстными земельными интересами. История основания новой столицы республики ярко озарена интенсивной спекуляцией земельными участками (с тех пор остающейся чисто американским явлением) или же омрачена ею, в зависимости от того, смотреть на это глазами председателя американской торговой палаты или совестливого человека вроде Генри Джорджа.

Las Vegas Celebrates Signing Of River Bill

LAS VEGAS, Nev., Dec. 21. (U.P.) —The most riotous celebration in the history of this city followed the flash today that President Coolidge had signed the Boulder Dam bill.

Within half an hour of the time the fire sirens advised that the act had been endorsed 10,000 citizens were cavorting through the streets in a wild and joyous demonstration.

Long before the mayor had proclaimed a holiday children passed from the schoolrooms and joined with the rest of the inhabitants in erratic and boisterous parades through all the streets of the city.

City officials announced that if and when the celebration calmed a bit, the streets would be roped off for a regular program.

Рис. 10. Сообщение United Press о праздновании или, скорее, настоящей «вакханалии» в Лас-Вегасе по случаю подписания билля, одобряющего реализацию крупномасштабного гидроэнергетического проекта в окрестностях города.

В американском английском существуют такое замечательное словосочетание, как boomtown psychology[16] — особое психическое состояние, возбуждение, овладевающее лично заинтересованными в ничем не сдерживаемом развитии того или иного города или региона. В США на протяжении всего периода от основания Вашингтона до золотой и нефтяной лихорадок в Калифорнии и на Аляске можно наблюдать тот самый «бум», общественный интерес к которому подогревается, порой почти без каких-либо объективных оснований, психологически точно рассчитанной пропагандой в прессе (см. рис. 10).

Строительный бум в какой-либо части страны или городском районе часто сопровождается избыточной застройкой и, как результат, — пустующими новыми зданиями. Эти следствия до конца не продуманных проектов были отчетливо заметны в первые годы городской жизни Вашингтона, манившего спекулянтов земельными участками из таких крупных городов, как Филадельфия и Балтимор.

Положение усугублялось антисоциальным строительным законодательством, которое — отчасти из соображений престижности и респектабельности — регламентировало минимальную высоту построек без должного учета реальных возможностей градостроителей.
Нормой считались трехэтажные каменные здания, и разработанный Ланфаном план города-миллионника с Капитолием в центре[17] был продиктован скорее тщеславием, нежели практичностью — подход, который много позднее будет положен в основу при создании советской башни Татлина. Этот памятник архитектуры имеет столь же мало общего с достойной уважения строительной программой российского правительства рабочих и крестьян, как спроектированная французским инженером-строителем Ланфаном резиденция первого народного правительства нового времени — с пуританским сплавом идеализма и бытового прагматизма. Тем не менее в Вашингтоне, как и в случае города, основанного для более приземленных целей Уильямом Пенном[18] (во время второй осады Вены войсками Османской империи!), присутствуют зачатки нового стиля жизни и нового архитектурного стиля — чего не скажешь про время расцвета абсолютизма в том виде, в каком он господствовал в тогдашней (конца XVII века) Европе.
Довольно скоро становится очевидно, что геометрическая правильность городской застройки отнюдь не равнозначна ее рациональности. В ней еще не учитываются, как сегодня, транспортные потребности, хотя она уже экономически и технически обоснована.

*

Около 1800 года архитектор и инженер Б. Г. Латроб проектирует здание водонапорной станции[19] в Филадельфии.
Вокруг этого сооружения, предмета заслуженной гордости городской администрации, вырастает парк и быстро распространяются жилые кварталы. Дома в обширных пригородах теряют привлекательность в глазах зажиточных горожан из-за хлопот с личными колодцами, и безграничный рост города Уильяма Пенна с его шахматно-прямоугольной планировкой по гипподамовой системе приобретает иной вектор: вследствие замены пунктов водоснабжения общего пользования на централизованное водоснабжение, появления теплосетей и домашних ванных комнат жилые кварталы начинают распространяться радиальными полосами, в соответствии со звездообразной сетью водоснабжения.
Этот процесс благоприятствует развитию системы уличного освещения.
Технически обусловленная комфортность жилья перенаправляет развитие города в русло новой рациональности, которая не предусматривает абсолютной геометрической правильности.
Три явления — во-первых, увеличение площади жилых кварталов, во-вторых, сосредоточение домов вокруг такого нового общегородского достояния, как насосная станция, и, в-третьих, радиальная застройка, особенно в западном направлении, с быстрым распространением централизованного водопровода и канализации, наряду с усовершенствованием дорожного покрытия, — привели к возникновению двух новых обстоятельств, а именно повышению важности муниципальной политики в области инфраструктуры и появлению возможностей ее контроля частными собственниками земельных участков, что и начинает определять форму и структуру американского города. В реализации этой политики принимают участие архитекторы Хэвиленд, Миллс и Стрикленд[20], вошедшие в историю не столько благодаря спроектированным ими общественным зданиям в классическом стиле, сколько из-за внедрения рядовой застройки, с домами с водоснабжением и всеми необходимыми удобствами. В 1830 году эти многоэтажные, большей частью однотипные rows[21] входят в Филадельфии